

Провинциальный ИНТЕЛЛИГЕНТ

Литературно-публицистическая газета, г. Костомукша. № 2, декабрь 2008

Финансовую помощь этому номеру оказали: директор ООО «Энерготехносервис» Минаев А.И. и лично Козлова А.А.

Круглый стол

От редакции

ИНТЕЛЛИГЕНТ- ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Ещё до первого выпуска этой газеты возникли споры о названии, и они до сих пор не утихают. Надо сказать, что рассматривались различные варианты заголовка, но никакое из них не вызвало таких эмоций, как «Провинциальный ИНТЕЛЛИГЕНТ». Одно это послужило поводом выбрать именно его. То, что Костомукша - это провинция, сомневаться не приходится, но возникновение неоднозначного отношения к определению ИНТЕЛЛИГЕНТ навело на раздумия...

Понятие это складывалось исторически и имеет отношение к определённой группе лиц. Но одни смешивают людей совершенно разного круга в одно общее определение по одним критериям, а другие разделяют, но совершенно по другим. Выражения и фразы, по отношению к обсуждаемой группе лиц, также ошибочно приписывают другим источникам. Так, выражение Александра Романова приписывают Никите Хрущёву, и так далее...

Обратимся к небольшому периоду истории Отечества. Оказавшихся, вслед за отступающими французскими войсками, на территории развитой Европы, русских офицеров, прежде всего, поразили два фактора: то, что социальное общественное бытие за границей было гораздо благоустроеннее, а члены общества, в своём большинстве, подпадали под статус интеллигентов. Образованность и культурность, отличающие таких людей в образе жизни и общении, поднимали сознательность иностранцев на ступень гораздо высшую, чем в Российской Империи. И хотя российская элита во всём подражала иностранцам, эти заимствования никак не относились к реальному уровню культурности и образованности всех членов Российского общества, как и к развитию социального бытия.

Как и во всех странах, в Российской Империи были люди особого статуса, прежде всего, аристократы, причисляемые к культурной знати по принципу кровности, то есть имеющие в кровном родстве примеси царственной принадлежности. Интеллигенты же: художественные мастера, учителя, театралы, представители религии, офицеры, не имеющие плотских титулов аристократов - соотносились с ними по своему, так сказать, духовному статусу, влиянию

на умы. Любое расшатывание устоев общества и государства приписывалось именно интеллигентам, несмотря на то, что они, зачастую, были лишь орудием в руках аристократов, в их интригах, заговорах, сплетнях, кутежах, подражаниях иноземцам и так далее. Хотя в частностях нужно тонко разбираться, кто и за что выступал через этих представителей интеллигенции.

После войны с французами в Российской империи образовалось совершенно новое течение в среде аристократов и интеллигенции, которое ставило своей целью поменять у большинства членов общества их культурное и интеллектуальное положение, изменить социальное бытие в обществе. Против этих целей Александром Романовым был организован некий священный союз (идеология третьего Рима), чтобы не дать, по его выражению, «вшивым интеллигентам» (непородистым), сделать таким же всё российское общество. Хотя для воспитания новой обслуги аристократии и власти им же был организован Царско-Сельский лицей. Его выпускники должны были стоять на страже институтов власти имперской России, превозносить существующее положение вещей и поругать любых критиков. Полученные знания в таких высоких по статусу образовательных системах не ставили целью моральную высоту духа, но запретами и наказаниями внушали услужливость. Самые яркие из его выпускников, наверное, повторили бы фразу Грибоедова: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Проблема же тотального невежества и несправедливого социального бытия так и оставалась (несмотря на то, что в дальнейшем произошла формальная отмена рабства), так как боролись не с таким положением, а с теми, кто был против него, что и послужило стимулом к декабрьскому восстанию на Сенатской площади...

Нельзя сказать, что идеи свободы, равенства, братства могли быть у людей порочных и безграмотных, хотя и определение интеллигента не всегда можно связать с высокообразованными и культурными людьми. Тот же Пушкин именно по его, в одно время, не всегда моральным поступкам отстранялся от посвящения в тайное общество декабристов так же, как и не принимался в ореол царского окружения. Таким образом, интеллигент того времени - это, прежде всего, герой с благородными идеалами равноправного социального устройства. Мнимая же интеллигенция, принадлежащая к некоей дворцовой элите, высокомерно и пренебрежительно относилась к этим идеалам народного просвещения, подменяла эти понятия и зачастую окружала себя лицемерами и коррупционерами. С их стороны были только разглагольствования о равноправных отношениях, например, в христианских коммунах Рима, (где аристократия и простолюдины находились в равных отношениях), от которого они якобы, приняли эстафету на право пер-

вородства, а в реальности современное им общество, изначально обустроено несправедливо и аморально. Всё это - вечное эфемерное положение бомонда, который выводит истинные равноправные отношения в некие абстракции.

Строители нового мироустройства, которых возглавлял Ленин, столкнувшись на деле с такими, так сказать интеллигентами, на которых возлагались определённые надежды, поняли, что в своём большинстве те не способны на достижения каких-либо целей, кроме личных, сословных и тщеславных. Это их эфемерное положение настолько возмутило лидера большевиков, что по отношению к ним он высказывался, что это никакая не интеллигенция, не свет разума, а г...., которое следует просто выдворить из того общества, в котором они, коммунисты, будут сами реализовывать равноправие быта в социуме, культуру и образование в обществе. Далее, со сменой лидера большевиков, образ нового советского интеллигента представлял целеустремлённый, любящий отечество, бескорыстный романтик-энтузиаст. Одним словом, комсомолец со значком ГТО, готовый ценой своей жизни защищать Родину, что и было доказано на деле во время Великой Отечественной...

Во времена оттепели в отношениях с Западом в советском обществе появился иной образ интеллигента, который был антиподом предыдущего - подражание западной культуре в экстравагантности и фетишизме вместо скромной опрятности, удовлетворение мелочных потребностей вместо устремления к высшему предназначению. Такие люди - спекулянты, барышники, фарцовщики - под маской интеллигенции, создавали окружение членов семей высокопоставленных лиц, соответственным образом действуя на них и не имея никакой идеи, кроме той, как бы свернуть на Западный путь...

Эти представленные образы интеллигента, в общих чертах, показывают, каким образом в разное время власть влияла на интеллигенцию и наоборот. Всем вышесказанным хотелось показать, что не следует путать одних интеллигентов с другими. Что нынешний гламурный бомонд не имеет никакого отношения к определению интеллигентов из-за своего отличия в духовной рациональности, то есть отстаиваемых идеалов. Проще говоря, интеллигенция - это группа лиц, которая может влиять на власть и массовое сознание, а также

Перед Вами - второй номер литературно-публицистической газеты костомукшского литобъединения. Её первые два номера - ознакомительные, но уже сейчас, если Вы захотите адресно получать это издание в первое полугодие нового, 2009 года, Вы можете позвонить по телефонам, указанным в выходных данных газеты, в конце номера. Напоминаем, что выпуск этой газеты планируется не реже одного раза в месяц.

Обратите внимание, что газета выходит на белой бумаге, что позволяет без большой потери качества печатать на ней чёрно-белые художественные фотографии и рисунки, выполненные в технике графики. Поэтому ждём для публикации на страницах этого издания и Ваших изобразительных работ, а также сообщений о каких-либо событиях, если Вы пожелаете, чтобы они были освещены в этой газете, и, конечно же, ждём Ваших литературных работ - стихов, рассказов, эссе...

А собрания редколлегии проходят каждую пятницу в 18.00 в Культурно-музейном центре. Добро пожаловать!

Интеллигент

быть проводником идеалов власти или народа, формировать посредством различного творчества и пропаганды то или иное социальное бытие.

Роль интеллигенции в нынешнем резко расслоённом обществе на некий элитарный класс и массовое невежество большинства в том, чтобы попытаться остановить рост этой пропасти. Другая же группа интеллигенции за нынешнее существующее положение. При неких своих высших творческих достижениях и званиях они пытаются ещё больше отделиться от общественности в некую элитарность, считая себя исключением или избранными перед остальным большинством, чья жизнь их совсем не заботит.

Понятие интеллигента не зависит от социального, профессионального и национального признака, а это нормальная среднестатистическая составляющая общества, (но не имеющая отношения к обывателю, бюргеру, среднему классу по благосостоянию). Это члены общества, носители определенных культурных, социальных, духовных идеалов. Преобладание тех или иных идеалов исторически реализуется именно через этих носителей, и посредством творчества таких людей формируется среднестатистическое представление об уровне быта в социуме, образованности, культурного воспитания.

И в завершении, - одно простое правило гласит, что излишнее, как и недостаточное, не может быть истинным, гармоничным, полноценным, самодостаточным. Посмотрите, например, для сравнения на развитые европейские страны. Неужели мы хуже?

Сергей Пашков

Ставьте своим детям только красивую музыку

Сегодня в гостях у «Интеллигента» известный в городе и за его пределами костомукшский музыкант, певец и композитор, Сергей Волик. Он рассказал о себе, о своём творчестве, ответил на несколько вопросов и поделился своими планами на будущее.

В 1984 г. Сергей Волик приехал в Костомукшу

- Сколько помню себя в детстве – рядом всегда звучали песни. Часто их пела моя мама, Светлана Евдокимовна Волик. Она всегда была активной участницей художественной самодеятельности нашего Бердянска. Дома она разучивала новые песни и слушала своих любимых певцов, это и стало моим детским музыкальным воспитанием. А послушать в то время было кого: Ротару, Герман, Пьеха, Зыкина, Ободзинский, Макаров, Воронец и многие другие. Если бы я в детстве слушал рэп, трэш или попсу а-ля «Руки вверх», то вряд ли бы сейчас творил песни...

Когда я учился в 8 классе школы города Бердянска, к нам пришёл Евгений Касимов, руководитель лучшего, как выяснилось позже, ВИА города, чтобы набрать состав школьного ансамбля. На клавишные я был в очереди третьим. Но взяли именно меня, так как до этого я учился игре на аккордеоне и был уже знаком с клавишами и с музыкальной грамотой. Потом мы стали первой молодёжной группой, играющей на центральной танцплощадке города. Летом население курортного Бердянска выросло до полумиллиона человек, в основном за счёт отдыхающих из Москвы, так что недостатка в аудитории не было. Да и зимой в огромном холле Дворца культуры на наших вечерах было не протолкнуться. Играли всё: и рок, и диско, и латинос, пробовали свои творения, вернее мои, потому что, так уж получалось, из участников нашего ВИА тогда ещё никто не сочинял. В 19 лет я стал самым молодым участником конкурса «Бердянку-130 лет», где впервые вынес на всеобщий показ своё творение, песню о родном городе. И музыку, на которую написал сам. Генеральная репетиция прошла на «ура», и другие музыканты пророчили нам какой-нибудь приз. Но, случилось так, что на сцене, во время нашего выступления, произошло короткое замыкание, пошёл дым. В бликах светомузыки это выглядело потрясающе, но дым-то был настоящий, запахло пожаром, сцену закрыли, а нас сменил ансамбль народных инструментов... Когда всё привели в порядок, нам снова дали возможность выступить, но на другой, незнакомой нам аппаратуре и музыка сильно проиграла словам. В результате жюри похвалило только текст. Зато с того момента я стал известен как автор-песенник.

- Расскажи, каким образом ты добивался успехов в работе над текстами песен?

- В 22 года я приехал в Костомукшу, уже имея хороший запас своих песен, но мне не всегда нравились тексты. Здесь я познакомился со знатоками авторской песни Сергеем Ожиговым, Александром Сафроновым, Сергеем Погорелым. Для меня это была классная школа, в первую очередь – текстовая. Например, на некую оригинальность и неповторимость создаваемых мною текстов. Этого они, как учителя, и добивались от меня. Накануне фестивалей авторской песни у меня всегда появляются приличные творения, видимо уже выработалась привычка... Со временем, ко мне стали обращаться сами авторы стихов с предложением создать новую песню. Я всем рад, уважаю каждого, творящего добро. В стихах считаю основным фактором эмоциональность. И чем они ярче, острее, искреннее, тем лучше может получиться песня...

- Как ты определяешь стиль своего музыкального творчества? В каком направлении ты работаешь?

- Я создаю музыку – мелодию и аккомпанемент. Всё это может быть в любом стиле, в зависимости от задач, определяющих для чего, для кого, о чём стихи, их строение, мелодика строки и т.д.

Стиль – это одежда, которой можно нарядить или обезобразить творческое существо музыки. Здесь важна и оригинальность, и вкус, и чувство меры, и вообще – чувства, и, конечно, опыт. Чем

больше вы творите, тем из большего вы сможете выбрать самое-самое. Творчество может питаться либо добром, либо злом. Творите только в добром состоянии души.

- Кто из классических музыкантов и каким образом повлиял на твоё творчество?

- Когда я учился на первом курсе института, мне подарили пластинку классической музыки. Каждый вечер я её ставил и заслушивал «до дыр». Крейслер, Гендель, Бах – это первые ласточки моего классического вдохновения и музыкального воспитания. Когда мои сыновья были ещё совсем маленькими, то на ночь я им тоже часто ставил музыку Шопена, Листа, Вивальди.

- Какое участие в твоём творчестве принимает семья и близкие люди?

- Очень много стихов я написал, влюблённый в Наташу. Теперь мы уже почти 20 лет вместе. Есть стихи, посвящённые нашим сыновьям, и многие из них плавно превращаются в песни. Старший сын, Олег, в детстве был сильным певцом. Его широкий диапазон голоса и великолепный слух позволили нам создать хорошие произведения. А ещё раньше творили с моим старшим братом. Его большой сценический опыт всегда помогал нам вместе создавать замечательные песни. Виктору первому покорилась песня «Калевала». Она очень сложная по исполнению при всей лёгкости звучания. Музыку этой песни я написал на стихи Николая Лайне в 1985 г., а в 99-ом г. с этой песней мой старший сын Олег стал дипломантом республиканского конкурса «Музыка древнего эпоса». А с 2005 года эту песню исполняет моя крестница Маша Рыженкова. Эта песня стала знаковой в моём творчестве. Также много хорошего и полезного я выношу из общения с творческими людьми нашего города.

- Какие у тебя творческие планы на ближайшее будущее?

- В первую очередь, запись новых песен на стихи костомукшских поэтов, в основном тех, чьё творчество вошло в сборник «Стихии», а затем и организация показа этой работы. Это очень интересная и ответственная работа, как со стихами авторов, так и с исполнителями. По этому поводу на страницах вашей газеты я хочу объявить набор в свою музыкальную студию. Обращайтесь по т. 76134.

- Твои пожелания нашим читателям?

- Самые яркие впечатления создаются у человека в детстве. Из них складывается будущая личность. Поэтому ставьте своим детям только красивую музыку – классиков, народную музыку, старые добрые детские песни. Обязательно спрашивайте, что понравилось и почему? Играйте в ассоциации: на что похож тот или иной звук, фрагмент произведения? Пусть ваш ребёнок фантазирует, с настойчивостью и постоянством зажигайте в нём творческую искру, и в вашей семье вырастет творец. Пусть он будет художником, писателем, но главное, чтобы он делал своё дело, а не «слизывал» у других. Если ребёнок не научится творить, он уйдёт в псевдомир с различными допингами, игроманией и другими непотребностями, а в крайнем случае, вырастет рабом.

Беседовал Андрей Филаретов

События

Николай Мисник давно занимается резьбой по дереву, практически с детства. Но его удивительное творчество до недавних пор было мало кому известно. Впервые его работы были широко представлены в альманахе «Стихии», куда составители включили фотографии нескольких работ Николая (фотограф Владимир Лебедь). Почти сразу же после опубликования фотографий этих поделок Николаю был сделан уже и официальный заказ на изготовление мемориальной доски, которая была установлена на месте дома известного карельского поэта Яакко Ругоева. В этом событии приняли участие представители местной администрации, Культурно-музейного центра и представители костомукшского литобъединения. В живописной обстановке, на берегу озера, Андреем Филаретовым были прочитаны стихи Андрея Богданова, лично знавшего карельского классика. А с 5 декабря работы Николая Мисника представляли Костомукшу в Петрозаводске, в Центре национальных культур в рамках выставки мастеров народного промысла «Мастера Севера представляют». После закрытия выставки в Петрозаводске экспозиция костомукшских творцов продолжится в городском музее Костомукши. Добро пожаловать.

Полярная сова

Бобры

Татьяна Вьюжная

Обещания

Легка спонтанность
обещаний...
Людская суть
иль естество?
Небрежность
временных желаний,
Объединяющих родство?
Как пустословье
бестелесно!
Там даже травы не растут,
Там не слагают
диво-песни,
Где сушь,
когда дожди идут!
Как ограниченны
воззренья!
Бесплоден отзвук
пустоты...
Искать напрасно
утешенья –
Нет обещаний у мечты.

Серебристой проседью
Косы припорошены.
Золотистой осенью
Листья наземь брошены.

И грустинкой дальнею
Все мечты уносятся.
Крики птиц прощальные
Тают отголосицей.

Птиц глаза печальные
Провожают надолго.
Купола венчальные
Словно солнца-радуги.

Годы-стан белые
Скрылись за туманами.
Мы за всё, что сделали,
Платим болью – ранами.

Эльбрус

Я превращаюсь в камень,
Гранитом становлюсь...
Покрытый снегом
пламень –
Седой старик Эльбрус,
Бросая взоры грозно,
Величием разит,
Столетия однозно
На страже он стоит.
Прикрыв крылом
широким
Превратности судьбы,
Батыром светлооким
Гласит: «Мы не рабы!
Не будет рабству места
На южных берегах,
Не станут стоны-песни
Витать в кошмарных
снах.

Врагов лихие силы
Коварно не зашлют,
За мной стоит Россия,
Я стражник вечный тут!»
Орёл кружит высоко,
Скрываясь в облаках...
Эльбрус,
как зоркий сокол, –
Оплот на рубежах.

Владимир Шнюков

Из цикла «Жизнь как жизнь»

Враги

- Я буду тебя бить, Гриша!
- Не надо, Слава! Прошу тебя...
- Надо, Гриша, надо! Ты оскорбил меня, и я буду тебя бить...
- Ты не прав, Слава! Подумай, ты подумай своей пьяной головой – разве я тебя обидел?
- Врешь! Я не пьян, - Слава покачнулся, но устоял. – Я всё... соображаю. Хорошо, я пока не ударю тебя. Давай разберемся... - тут Слава снова покачнулся и, чтобы не упасть, оперся плечом на пока еще живой шкаф для одежды. Шкаф дрогнул, и стоявшая на нем пустая бутылка свалилась Славе на голову.

- А-а, ты ударил меня, Гриша, подлец! Так получи же...
- Опять эти клоуны сцепились. Ну что – пошли разнимать, что ли? – соседи по общежитию пришли, растащили окровавленных бойцов, вылили на них по ведру воды, затем налили каждому по стакану водки, заставили выпить и уложили на свои кровати, пригрозив, что если ещё услышат драку – выкинут обоих на улицу.

Гриша Повалий и Слава Молодонец дрались друг с другом два раза каждый месяц. Именно два, не больше и не меньше. Потому что дрались они только по пьянке, а пили они только в аванс и получку. В остальное время это были справные мужики под сорок лет, приехавшие на северную лесозаготовку из Западной Украины – по вербовке, денег срубить. Приехали вместе, жили в одной квартире – у каждого своя комната – двухэтажного восьмиквартирного дома, отведенного для завербованного народа. Местный люд посчитал этих новеньких друзьями, а поселковые женщины пришли к единодушному мнению, что Слава и Гриша – мужичины положительные: трезвые, всегда побритые, чисто одетые, не матерятся попусту. В общем, идеал.

Но в первую же получку идеал дал трещину: подбитый глаз, выбитый зуб, сломанный стол, пробитая перегородка и вдрызг разбитое окно были тому жестоким свидетельством. И потом бои стали повторяться, как по расписанию. Народ дивился, мужики, кто работал с кем-либо из этих чудаков (а работали те в разных бригадах), пытались докопаться до причины драк, но со временем плюнули на это безнадежное дело: казалось, что истоки вражды вековые, словно Молодонец и Повалий из разных родов, враждующих столетия. После драки Гриша и Слава пару дней не разговаривали друг с другом, а потом – словно и не было ничего.

Постепенно поселок привык к чудачествам странных карпатских парней, драки их стали событиями совершенно рядовыми, и уже не обсуждались. Только соседи в день выдачи денег носили побольше воды в общежитие – иногда и по баку холодильники приходилось выливать на каждого бойца, чтобы образумить. Да продавщица промтоварного магазина Галя Бутакова, тайно влюбленная в красавца Молодонца, откладывала в тот день под прилавок лучшую мужскую рубашку хорошо известного ей размера – лица у Славы и Гриши порой оставались целы, но рубашки – никогда. Грише Галя тоже откладывала, но похуже. И пока еще ни одна из отложенных рубашек не осталась невостребованной. Впрочем, одна была, но это особая рубашка. Изнутри, напротив сердца, Галя со слезами вышила: «На вечную память любимому». Эту рубашку Галя собиралась подарить Славе в день последней его зарплаты здесь – в июле, когда заканчивался двухгодичный срок вербовки, и он, как и Гриша, уедет в свои далекие Карпаты. Сейчас был июнь, и сегодня была получка.

- Общежитие горит! – пронзительный женский голос взорвал тишину кинозала.

Народ бросился из клуба на улицу. Дым густо валил из двух раскрытых окон первого этажа и из подъезда. Огня пока не было видно, но он не заставил себя ждать – полыхнуло разом, и деревянный барак занялся, как пионерский костер.

Несколько человек, забежав в горевший дом, выкинули кое-какие пожитки да вытащили троих пьяных, один из которых был Молодонец. Попытки тушить пожар вскоре были оставлены за беспомощностью, люди бросились отстаивать соседние дома: по цепочке передавали ведра с водой из ламбины, что находилась метрах в пятидесяти, - поливали крыши и обращенные к пожару стены.

- Гриша, там же Гриша остался! – истошный вопль Молодонца перекрыл многоголосый гам.

- Бля, точно, а где же Повалий-то? – растерянно проговорил один из парней, забегавших в горевший дом.

- В его комнате Гришки нет, я смотрел, - уверенно сказал другой.

- Да где же он!?

- Гриша, держись, я иду к тебе! – Молодонец вдруг рванулся к двери подъезда.

- Стой, дурак, сторишь! – попытались перехватить его, но не успели. Коля Мотин, верховод местной молодежи, бросился за Молодонцом внутрь дома, но через несколько секунд выскочил обратно, отхаркиваясь. А через полминуты здание начало рушиться.

Когда разобрали руины пожарища, те обгорелые трупы Вячеслава Молодонца и Григория Повалий обнаружили рядом. И было такое впечатление, что они крепко обнялись перед смертью.

Из цикла «За чертой»

Неудавшаяся смерть

История, рассказанная режиссёром народного театра
Виктором Алексеевичем Печуровым накануне премьеры

Я давно хотел рассказать тебе, Володя, одну историю из моей жизни. Историю странную, восхитительно чудесную и страшную. Я её никогда никому не рассказывал, хотя было желание – и не раз. Но всегда останавливало опасение быть непонятым. И еще останавливало какое-то чувство... как бы это точнее сказать – другого космического измерения, что ли... Ощущение, что бывшее со мной тогда и вся остальная жизнь – находятся в разных мирах, которые существуют рядом, но никогда не соприкасаются. А мне удалось шагнуть за грань, отделяющую эти миры друг от друга. Шагнуть туда и вернуться обратно. Эта история, случившаяся со мной так давно – мне тогда было всего девятнадцать – как крепко вбитый в стену гвоздь сидит в моей душе по сей день. Я расскажу её тебе, Володя. Возраст мой вкупе со здоровьем дает основание полагать, что череда дней моих в этом мире иссякает. И было бы непростительно, пожалуй, унести мне свою историю в иной мир, так и не рассказав. Ну, слушай...

Но сначала хочу спросить тебя: любил ли ты? Любил ли жадно, страстно, когда всё меркнет и становится жалким, бледным и не заслуживающим внимания в этой жизни, всё – кроме этого смятения, этого урагана души? Когда предмет любви становится центром мироздания? Любил ли ты так? Не надо, не говори, по глазам вижу, что тебе знакомо это чувство.

Её звали просто и тихо – Лика. Но родители ошиблись, назвав её именем мягкого летнего рассвета. Бешенство ночного шторма, испепеляющий зной пустыни, обвалы горных вершин – больше бы подошли этому дьяволу в юбке. Она сразила меня и словно забавлялась моим чувством, то приближая меня, даря надежду, то вдруг отталкивая и не замечая. Так длилось около года, и попытка становилась невыносимой. Что-то должно было случиться – и случилось.

В тот день я случайно встретил её за городом, на берегу моря. Встретил не одну, она была с незнакомым мне парнем. Кровь ударила мне в голову и сердце готово было выпрыгнуть из груди. Но я бы просто прошел мимо – если бы не её глаза. В её глазах всегда сидел бес – каждый раз новый. На этот раз это был бес вызова. И я сказал ей обидные слова. Парень ударил меня, началась драка. Мой соперник был сильнее, раз за разом он сбивал меня с ног. Но каждый раз я поднимался и бросался на него, хотя был уже жестоко избит. При мне был нож, но я не воспользовался им, ненависть не заглушила чести, драться надо было равным оружием. Наконец, силы мои иссякли, и, рыча, как раненый зверь, глотая кровь и слезы, я отошел в сторону и встал на краю отвесной скалы, вздымавшейся стометровым великаном над каменистым берегом моря.

- Ну что ж ты – прыгай! – крикнула Лика.

Неудачников либо жалеют, либо презирают. В голосе Лики я услышал и то, и другое, бес вызова овладел ею всецело. Я сжался, закрыл глаза, и, задержав дыхание, шагнул в пропасть, навстречу ждущему внизу скопищу камней. Нервы мои замерли на самой высокой ноте, ожидая страшного удара, боли и вечного мрака.

Но удара не было. И я, с почти остановившимся уже сердцем, открыл глаза. И не сразу понял случившееся. А поняв, не поверил. Я летел, Володя, понимаешь, летел как птица, парил в воздухе, медленно скользил вдоль скалы. И поверил я, когда опустился в береговой кустарник и почувствовал под ногами землю. Это неподвластно физическим законам, но я остался жив, прыгнув с огромной высоты. Более того – я приземлился метрах в трехстах от вертикали моего падения...

Виктор Алексеевич замолчал, но в горящих глазах старика я прочел, что он весь во власти того, случившегося более пятидесяти лет назад.

- А у вас бывало... ещё такое? Я хочу спросить: доводилось ли ещё летать?

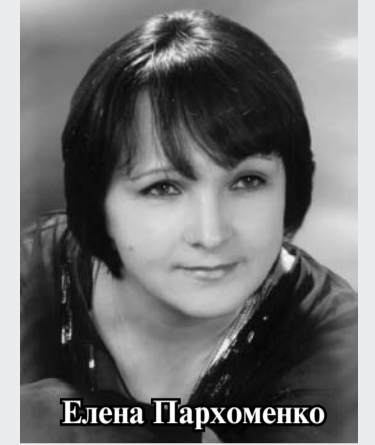
- Нет, Володя, летать больше не доводилось, - просто ответил Виктор Алексеевич. И засмеялся грустно, - хотя пытался, и не раз.

- А Лика? У неё какая судьба?

- Она лишилась рассудка, Володя. Поместили в больницу для душевнобольных, там и скончалась вскоре.

Виктор Алексеевич Печуров умер спустя неделю после этого разговора.

Поэма

Елена Пархоменко

Я судьбы перелистну страницу,
Оставляя в прошлом бурелом.
И на волю отпущу синицу,
В небо улечу за журавлём!

В небо полечу за журавлём,
На прощанье подмигну синице:
Не грусти, подружка, о быллом!
Пусть былое
в прошлом раствориться.

В прошлом пусть
былое раствориться,
Как весной на солнце тает снег,
И слезинкой
скатится с ресницы;
Нужно для полёта взять разбег.

Для полёта нужно взять разбег,
Чтоб лететь по небу
гордой птицей!
Растворяясь в небе, словно снег,
Песню закурльчу журавлицей.

Гордо закурльчу журавлицей,
Верность журавлиную храня.
И от песни этой на ресницах
Заблестит хрустальная слеза.

Заблестит
хрустальная слезинка,
Радостью наполнится душа;
И слезинка упадёт росинкой,
Радугой пронзая небеса.

Радугой пронзивши небеса,
В небе прокурльчу журавлицей.
Упадет хрустальная роса.
Я судьбы закрою все страницы.

Я в Россию на поезде еду,
От восторга души закричу!
Я в берёзовой роще победу
Вдохновенья отметить хочу!

Мне расскажут
берёзы-подружки,
Как вольготно
в Руси стало жить.
Я букет соберу на опушке,
Чтобы стих о России сложить.

Чтоб вдохнуть
запах клевера, мяты,
Чтобы русский
почувствовать дух,
И просторы земли необъятной,
И мелодий, пленяющих слух.

Я в Россию на поезде еду –
Раствориться
в объятиях родных,
На могилку сходить
к бабке-деду
И увидеть племянниц своих!

Отзыв

ТРЕТЬЕ ИМЯ

ОЛЬГА – ПЕРВАЯ...

В литературном плане я всегда воспринимал Костомукшу как город приезжих. Тех, кто поэтически сформировался где-то в России (СССР), и уже потом прибыл сюда на житьё-работу. Явление карельского классика Я. Ругоева, уроженца этих мест, ничего не меняло: Яакко жил тут в «деревенские» времена, и он только застал самое начало города.

Но вот в газетах появились стихи: «Встань посредине озера. На тёмный каменный остров...», «Тело – в Горе Железной...», «Маленький город со странным названием...» Город, где «огни окон режут лицо моё по ночам...», где «колючая заря», а его имя, возможно, происходит от «коста» - значит мечь», «Много раз убегая из прохлады родной, – задыхалась...», но – «возвращалась в – нежно-каменный чудо-город!» И, наконец, «третья родина моя, третье имя...» То была неизвестная всем тогда, в 2000 году, 17-летняя костомукшанка Ольга Индюкова, участвовавшая в литературном конкурсе, посвященном 80-летию Республики Карелия (главный зачинщик и

организатор – поэт Александр Валентик). Эти её строки нельзя было не запомнить. И в конце следующего года она была приглашена для участия в очередном (кстати, после большого перерыва) XIX совещании молодых писателей республики. Оказалось, что Ольга – уже студентка филологического факультета Карельского государственного педагогического университета, где пошла ещё и в литературный театр. И её рукопись стала для многих открытием.

Литературный конкурс «Северная лира» (2002), публикации в газетах «Лицей» и «Молодежная газета», присуждение в декабре 2002 года республиканской стипендии имени Яакко Ругоева. Как всё сошлось! Тем более, что обычно эта стипендия вручается тем, кто пишет на финском, вепском или карельском языках, а тут...

«Стихи пришли ко мне в июле 1996 года. Мне было четырнадцать лет. Очень с ними боролась. Жгла, рвала, выбрасывала. А сейчас успокоилась. Может, повзрослела. Самые близкие друзья – родители, брат, бумага и ручка...» – писала она о себе. А корреспонденту при вручении стипендии добавила, что пытается научиться сдерживать душевный напор и в будущем «видит себя сотрудником газеты или школы – ей очень нравится заниматься с детьми».

Жизненная биография Ольги, естественно, мала: родилась в г. Темиртау Карагандинской области, тогда Казахской ССР, но через год родители поехали строить город и комбинат

на севере нашей северной республики, так что она – фактически коренная костомукшанка. Затем школа, которая была преобразована в университетский лицей и наконец университет...

Учащиеся гимназии шведского города Каликс губернии Вестерботтен, около границы с Финляндией, начавшие дружить с гимназией Ольги, заинтересовались её стихами и уже получили рукопись первого её поэтического сборника, составленного недавно, но за неимением средств пока неизданного. Некоторое время назад и её земляки познакомились с творчеством Ольги через городскую газету «Новости Костомукши» (большая подборка её стихотворений «Навсегда любить тебя выучусь...»). Потом были публикации в газете «Карелия», в журнале «Север» и наконец в литературно-художественном альманахе костомукшских поэтов «Стихий». И вот – книга молодой поэтессы. Фактически первого исконно костомукшского автора. Эта земля опять заговорила. И сразу же – на достойном уровне (стихи Ольги – из лучших среди молодых поэтесс республики!)

Нашелся бы меценат-благодотворитель, чтобы вышла наконец её книга! Есть такой в Костомукше?

Владимир СУДАКОВ,
член Союза писателей России

Взгляд со стороны

Андрей Сунгуров

Костомукша! Это, для меня единственный город Карелии, где я ни разу не был. Знал об истории его строительства, смотрел репортажи о горно-обогатительном комбинате, даже видел составы железорудных окатышей, проходящих через станцию Петрозаводска.

И вот удача. Еду на третий фестиваль современной поэзии.

От железнодорожного вокзала иду по шоссе. Пять, десять минут — нет города! И вдруг, как по волшебству, среди елей и сосен, появляются дома. Пяти-девятиэтажные, финской постройки. Спрятались. Затерялись. Приятно удивлён...

Я уеду по этой дороге.
Вдаль на запад меня унесёт
из моей плесневелой берлоги
мой надёжный, мой старый «Восход».

Оседлаю шоссе Росинанта,
карандаш, как копьё, заточу,
за спасение выучу мантру,
как девиз я её заучу.

Горсть песка возьму с берега речки
и скажу, заступив за порог:
— Не ищи меня здесь теперь, Печкин,
я теперь покоритель дорог.

Это я уже читаю стихи Андрея Филаретова. Ироничные, в чём-то философские, но как они подходят здесь и сейчас!

Андрей встречал меня и Дмитрия Гордиенко. Сразу же разговорились. И по-осеннему неприятно моросающий дождь тому не помеха...

Костомукша

Маленький город,
со странным названием,
Я по тебе не стану скучать,
Уехав надолго в далёкие страны,
И разучившись о чём-то мечтать.

Маленький город,
такой незаметный,
Ты не картина — просто эскиз,
Здесь эхо на крики
даёт мне ответы,
Здесь слёзы с глазами падают вниз.

Маленький город, огни твоих окон
Режут лицо моё по ночам.
Мне страшно и больно,
мне здесь одиноко,
Я плачу, а ты п
родолжаешь молчать.

Маленький город,
мне тут не место,
Я убегаю из колючей зари.
Кто тот чужак,
что назвал тебя Местью,
И почему ты не город Любви?

Стихотворение Ольги Индюковой. Есть над чем подумать. Город, может быть и для кого-то маленький, но какие здесь живут большие люди! Большие своими желаниями, амбициями, творчеством. Большие в самом хорошем смысле слова. Не власть имущие и предрешающие, не промышленные магнаты-скупцы, а художники-бессеребряники, творцы, поэты.

Это они издали уникальнейшую книгу, посвящённую двадцатипятилетию образования города Костомукши. Чуть-чуть спонсорских денег, кто-то из меценатов дал немного. А так, как и по всей великой России-матушке, — издание за счёт авторов сборника.

Не буду лукавить, много нашлось друзей, помощников издать альманах. Подробно перечислять всех добрых людей не

буду. Об этом авторы написали на форзаце книги... Главное — альманах есть!

Литературно-художественный альманах «Стихии». Замечательная игра слов. Не каламбур. Стихии людских характеров, стихии любви к стихам, природные стихии. Но в альманахе стихи и... И замечательные фотографии, графические рисунки, философская и любовная лирика, басни. Стихи и... И люди, их судьбы... Анна Власенко:

Окна ты сидишь
одиноким и грустным,
Окна, по которому
дождь барабанит...
Говорить о любви —
это тоже искусство,
То, которое лечит и ранит...

Разные по житейским воззрениям, возрасту и полу, социальному положению. Пенсионеры и школьники, рабочие и предприниматели, все, кто равнодушен к поэзии, представлены на страницах книги... Не спеша, читаю. Не спеша, переворачиваю страницы.

А книга добротная. Твёрдый глянец переплёт. Карельский пейзаж: речные пороги, водная стихия. И много имён, знакомых и незнакомых. Как, шагая по карельской тайге, замечаешь ежеминутные изменения, так и исследуя альманах, чувствуешь смену настроения, картин. От бесшабашной веселости до пронзительной силы философии, от пейзажной зарисовки до трагедии целых поколений. Ольга Овечкина:

Приглашение в Карелию

Ты приедешь ко мне на озёра,
В мой далёкий и сказочный край?
И пусть это случится не скоро,
Не отказывай, пообещай.

Просто думай о том,
что приедешь,
Вдруг и вправду произойдёт.
Позабудь о друзьях и соседях,
Пусть немного и мне повезёт.

Белой ночью,
карельской колдуньей,
Мы рыбацкую лодку возьмём,
Спустим на воду и подумаем —
Не по озеру — в небе плывём.

Я тебе подарю этот город,
Что давно уже стал мне родным.
Ты приедешь ко мне на озёра?
Вот тогда и поговорим!

А мы говорили весь вечер. С поэтами Костомукши, с любителями поэзии. Читали свои стихи, слушали других. Главное — ни какой литературной критике. Почему? Честно? А зачем? Что она даст? Давать советы?

Мне дали «совет» в 1986 году. Доброе пожелание. Сравнили, дескать, пишешь под Бориса Кравченко (я тогда ещё не прочел его сборник «Среди людей»), а это плохой пример. «Добрый» мой

КОСТОМУКША

критик, живущий несколько лет за границей, отбил у меня охоту к прозе на 20 лет! Теперь-то я стал мудрее, а тогда переживал. Главное не было объяснено: почему ты так пишешь? А почему я так чувствую? Вижу? Кто вправе оценить: я, читатели, Бог? Не знаю. И не узнаю. Но верю: истинное, пусть и наивное, пробьётся. Поэтому я читал альманах взахлеб. Читал и перечитывал, мысленно спорил и соглашался, ненавидел и любил вместе с авторами, завидовал по-хорошему. Молодцы! Сделали! Неизвестно кому, но доказали! Андрей Филаретов:

Я отправляю прошлое в конверте,
В почтовый ящик,
сбросив будней тень.
Вы этим письмам,
адресат, не верьте,
до Вас дойдет лишь
мой вчерашний день.

А здесь легко мне,
и тепло, и сытно.
Сермяжной правды
выделилась суть
сквозь ткань листа,
и мне немного стыдно,
что слёз моих
пришлось испить Вам ртуть.

Я сам письмо.
Отправлен где-то в прошлом.
И отправитель, Он же Адресат,
Тот, чьей рукой
я в этот мир заброшен,
прочтёт меня, да и вернёт назад.

Мы говорили, беседовали. Мой земляк из Петрозаводска, Дмитрий Гордиенко читал свои произведения, я — свои. Новые друзья — свои. Мы стали своими! Мы встретились — вот что важно!

На долю секунды возникло ощущение «звёздности». Ещё бы: поэты столицы Карелии. Из Петрозаводска! Доля секунды не стала долей судьбы. Мастера пригласили мастеров. Хороших ли, не очень — время рассудит. Но я чувствовал себя, как рыба в воде. Ни ужимок, ни кривляний, дескать, ребята, вы неплохо все делаете, но... Возникло ощущение единства, сопричастности. Слово за рубежом встретил своих, русских, с кем можно просто поговорить. Пообщаться. И темы-то наши, и мысли похожи, и чувства сопереживаемы... Андрей Скребцов:

Материализация

Ты помнишь, в том далеком январе,
Раздвинув звёздный занавес, для нас
Играл фагот в заснеженном дворе,
Том самом, где нас нет
с тобой сейчас.

Мы танцевали ночью на снегу,
По хрупкой россыпи
искрящихся зеркал.
Тогда, поняв, что полюбить смогу,
Из звёзд и музыки
я сам тебя создал.

Узоры рисовал морозом по стеклу,

Из слов и образов
я ткал цветные сны...
Пойдем, любимая,
выдергивать свеклу.
Надеюсь, ее хватит до весны.

Да, было прохладно, и дождь промочил рукописи. Но от тепла встречи душа пела...

А я ещё радовался тому, как филолог, директор школы-интерната для слепых и слабовидящих детей, подарку — книге. Её Величество Книга! Я буду читать на уроках произведения авторов, живущих здесь и сейчас, живущих в Карелии. Да, это региональный компонент. Хотя звучит как-то технически. То ли винтик-болтик случайно обронил, то ли синекдоха с клаузулой перепуталась. В этом ли дело, а? Нина Михайленко:

Я солдатом был

Ты опять пришла, моя хорошая,
Сквозь гранит я чувствую тепло.
А за обелиском трав нескошенных
Расстиляется живое полотно.

Я тебя увидел издалёка,
В этот миг вдруг сердце ожило,
Мне б навстречу, да зарыт глубоко,
На земле нам встреч не суждено.

Посиди, погладь гранит рукою,
Так погладь, как будто по щеке.
Что, колючая? Давно не брою,
С сорок третьего лежу в земле.

Ах, как нахнут травы этим летом,
И твоя ладошка так нежна,
Седину кудрей колышет ветром,
И слезами захлестнёт глаза.

Мне б раздвинуть плиты обелиска,
Да не встать, уж я ведь не живой.
Милая, ну до чего ты близко,
Но меж нами камень гробовой.

Я солдатом был, им и остался
На родной земле, не на чужой,
Счастлив тем,
что можешь ты прижаться
К моему пристанищу рукой.

Счастлив тем,
что минула вас гибель,
Что Земля не стонет от огня.
Счастлив, что народ наш —
победитель,
Что свободна Родина моя!!

И дети плакали — они сострадали. И дети смеялись — они верили в добро... и в справедливость. Верили и верят! Так-то! Читаю, читаю, вчитываюсь... Фёдор Панышин:

Петух и Лис

Петух закон прочёл и, став смелей,
Забрался к Лису в нору,
Желая прямо в ней
придать того укору
За нарушения лесных статей,
Недозволяющих душение курей
Без цели, не для пропитанья,
И прочие такие причитанья
Для назидания зарвавшихся зверей.
Опешил Лис:
«Охота только в среду,

А этот хам приперся сам, к обеду.
Всю нору сходу истоптал,
И, как репей, к хвосту пристал...»
Лис мирен был —

Петух же наседа:
С наскоку, безо всякой перемены,
Подвёл к статье:

«Предательство, измена»,
Затем — «Гребёж».

Опомниться не дал,
Кричал (пером по морде
тыча вурдалака):

«Ты не лиса — ты хуже, чем собака!
Для леса первый изверг и злодей,
Друг мясника и прозелит его идей!».
Лис подскочил,

шерсть дыбом встала,
Кровь злая в жилах застучала...
Петух, увы, того не замечал
И... слишком поздно замолчал...

Коль ты не облечён призваньем,
Душою чёрств и правом хам,
Всё лишь испортишь назиданьем.
Захочешь блага — выйдет срам!

Встреча с читателями, собраниями по перу — это настоящий праздник! Обмениваемся идеями и адресами, делимся планами на будущее. И меня поражает, что эти люди не рассматривают литературу как коммерческий проект, способ получить прибыль. Наоборот, все понимают, насколько затратно издание книги. А в газетах опубликоваться сложно. Редакторы охотно берут рекламные блоки, которые неплохо оплачиваются. Время такое...

Любовь Ивановна Иванова подарила мне свой сборник стихов. Я ей обещал, что передам школьной библиотеке. Хорошие стихи. Разная тематика. Кто-то спросит: «Ну и что?». А то... Тираж 50 экземпляров. Для пенсионера, работника библиотеки, а о возрасте автора... А что такое возраст для души? Для любви? Для дела? Можно ли годами мерить жизнь? Поэзию? Вот то-то и оно! Бесценный, по моим представлениям, подарок. Поэтому не удержусь представить стихотворение Любови Ивановны. Для себя, для других. Да, есть что-то Некрасовское, Лермонтовское, Вознесенское, но мы для чего и живём? У кого учиться? И кто учится у нас? У народа?

Не генерал и не герой,
Я — незаметный рядовой.
Наград и звёзд не получал,
Я — исполнитель, полз, шагал.
Людей и родину любил,
Пошады вражеской не просил,
Я — большинство, в трудах прожил.
Мой дом не вила, не коттедж,
Не повезёт меня кортеж.
На останках я стою
И думаю свою.

В миг без меня погаснет свет,
Увянет овощ огорода.
Я — соль земли, Христов Завет,
Я — голос русского народа.

Сосцами Родины Земли,
Её страданиями вскормлен.
Я — рядовой земной семьи —
Советский воин непреклонен!

Я — подвиги не напоказ,
Я — безымянные могилы,
Мне Совесть главный мой указ,
Я в Русском духе черпал силы.

Ни «Ники», «Тэффи», ни фанфар,
Ни партбилета, ни диплома.
Звезда отечеству — мой дар.
Мой колокол — возмездье лома.

Но близок час, я поднимусь
С болот могилы безымянной,
За наш Союз, за нашу Русь,
Я, Неизвестный воин, встану!

Да, каждый осознает свою ответственность перед Словом. Вначале было Слово... Читаю.